

СОБЫТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ: ЧЕТВЕРТЫЙ ЕВРАЗИЙСКИЙ АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ФОРУМ

Т.Я. Хабриева

НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ СТЕРЕОТИПОВ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В настоящей статье дана авторская оценка основных проблем научного обеспечения предупреждения коррупции и стереотипов, сдерживающих научные исследования данного направления. При этом отмечаются объективная потребность в расширении границ юридической трактовки коррупции и недопустимость ее сведения к простой совокупности отдельных составов правонарушений. Ограничительный подход, относящий проявления коррупции к одной лишь публичной сфере, обедняет арсенал юридической науки, не позволяя раскрыть антикоррупционный потенциал гражданского, трудового, других отраслей законодательства и неправовых социальных регуляторов. На основе анализа стереотипов науки и практики, существующих в области превенции коррупции, автором формулируются основные научные задачи, нацеленные на повышение эффективности антикоррупционной профилактики.

Ключевые слова: стереотип, коррупция, проблемы, наука, сфера, превенция, борьба, исследования, мониторинг, индекс, модель, реестр, тезисы.

I. О стереотипах науки и практики в сфере противодействия коррупции

Первый стереотип заключается в сохранении и даже доминировании упрощенной трактовки коррупции.

Не только у большинства граждан, но и у многих законодателей и даже ученых сложилось упрощенное представление о коррупции как о явлении, ограниченном такими формами, как взяточничество и подкуп. Например, базовый закон Великобритании, действующий с 2010 г., носит название «О взяточничестве», что, несомненно, сокращает возможности и эффективность его применения.

Вместе с тем следует отметить объективную потребность в расширении границ юридической трактовки коррупции и недопустимость ее сведения к простой совокупности отдельных составов правонарушений.

Коррупция – это глобальное развивающееся негативное социальное явление, которое проникает практически во все сферы государственной и общественной

жизни. Не признав и не отразив в законодательстве этот факт, не внедрив в правосознание такое восприятие коррупции, государство не сможет действительно предупреждать ее распространение.

Другим стереотипом является устойчивое представление о том, что социальные и экономические проблемы являются главными причинами коррупционных правонарушений.

Системный анализ практики дает не столь очевидное подтверждение этому факту. Коррупция существует не только в слаборазвитых странах, но и в государствах с мощными экономическими и стабильными социальными системами. Не случайно в последние годы коррупционные скандалы сотрясают многие страны Западной Европы и Северной Америки, в том числе США, Францию, Италию, Испанию.

Аналогичную ситуацию можно проследить и при сопоставлении территориальных образований государств. Так, в России на фоне общего снижения числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности проявляется тенденция к их росту в ряде экономически благополучных субъектов Российской

В основе статьи – тезисы доклада автора на Четвертом Евразийском антикоррупционном форуме (Москва, 23–24 апреля 2015 г.)

Федерации – в Рязанской, Иркутской, некоторых других областях¹.

Указанный стереотип, препятствующий практической превенции коррупции, не только не верен, но и вреден, поскольку, по сути, призывает не к усилению антикоррупционной роли государства, а к пассивному ожиданию улучшения социально-экономической ситуации в стране.

Требуем деятельного опровержения стереотипа о коррупции как о явлении, присущем исключительно публичной сфере. Юридическая наука нередко сводит превенцию коррупции к уголовным и административным санкциям, утверждая, что их широкое и суровое применение оказывает на чиновников сдерживающий антикоррупционный эффект. При этом коррупционные проявления в частной сфере зачастую игнорируются. Это связано в том числе с общими для многих государств научными и правовыми традициями, основанными на доктринах недопустимости вмешательства в частную сферу.

Такой ограничительный подход обедняет юридическую науку, не позволяя раскрыть антикоррупционный потенциал не только гражданского, трудового, других отраслей законодательства, но и неправовых социальных регуляторов.

Практически повсеместно, даже в тех государствах, которые допускают применение антикоррупционных мер к частным отношениям (в частности, в США, Великобритании, Германии), злоупотребления руководителей и сотрудников коммерческих компаний воспринимаются как менее опасные по сравнению со взяточничеством чиновников. Однако согласно исследованиям коррупция в этой области приносит такой же, а нередко более значительный экономический и социальный урон. Например, в розничной торговой сети американской компании Вол-Март Сторз (Wal-Mart Stores), охватывающей 27 стран, работают около 2 млн человек. Коррупционные схемы в таких крупных компаниях, касающиеся отбора поставщиков, ценовой политики, социальных выплат и т.д., более масштабны, чем противоправная деятельность отдельных должностных лиц большей части современных государств. В подтверждение приведем только один факт: в настоящее время существует около 100 государств, где численность населения меньше, чем в штате указанной компании.

Кроме того, между государством и частной сферой нет «китайской стены», разделяющей, как в древности,

¹ См. подробнее: Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: научно-практическое пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2013; Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Цирин А.М. О результатах анализа практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах РФ и предложениях по повышению их эффективности // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 58-67.

цивилизованный и нецивилизованный мир. Они существуют в едином пространстве, поэтому коррупция, рожденная в среде предпринимательства, неминуемо проявится и на государственном уровне, а коррупционные практики, утвердившиеся в публично-правовых институтах, неизбежно будут воплощаться и в частных правовых отношениях.

Для того чтобы прервать коррупционный круговорот, целесообразно проведение научных исследований, направленных на универсализацию принципов противодействия коррупции и адаптацию официальных регуляторов к задачам борьбы с этим явлением в области индивидуальной деятельности².

Стереотип, сдерживающий развитие практической превенции, – это ориентация на изучение и нормативно-правовое отражение негативных явлений. Однако необходимо подчеркнуть, что важно изучать и позитивные практики, препятствующие развитию коррупции, а также стимулировать распространение удачных примеров антикоррупционного противодействия, существующих на разных уровнях государственного и муниципального управления, в деятельности общественных объединений и бизнес-структур. Это может оказать не менее значимый эффект, чем репрессивные меры.

Наконец, стереотип, укоренившийся в исследованиях ученых, в сознании общественных деятелей и граждан, состоит в том, что борьба с коррупцией – это дело государства и что оно может осуществляться только публично-правовыми средствами.

Самоустранение гражданского общества от решения проблем преодоления коррупции хорошо прослеживается на примере российских средств массовой информации, которые к этой теме обращаются в основном раз в год – 9 декабря, в День противодействия коррупции, чтобы тут же вновь забыть о ней.

Колоссальный инструмент антикоррупционного воспитания и образования в нашей стране, как и во многих других, задействован слабо³, а сдерживать кор-

² Подобные исследования проводятся Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. См., например: Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: научно-практическое пособие / отв. ред. Н.Г. Семилютина, Е.И. Спектор. М., 2012.; Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева; М., 2012.; { 俄 } 哈布利耶娃: 腐败 性质、表现与应对. 法律出版社. 2014. 北京. 515千字. (Коррупция: природа, проявления, противодействие (на китайском языке); Правовые средства противодействия коррупции: научно-практическое пособие / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2012.

³ См. подробнее: Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2013.

рупцию только средствами права невозможно. Требуется широкое использование иных регуляторов.

В дореволюционной и советской России такой опыт был. Достаточно вспомнить «суды чести», которые действовали в университетах, объединениях купцов, промышленников и служили эффективным средством борьбы с подкупом и взятками. Средства общественного воздействия были и в советское время, но в 1990-е годы потенциал социального контроля, в том числе в сфере противодействия коррупции, был практически утрачен.

И лишь в последние годы во многом благодаря усилиям Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), «Деловой России», «Опоры России», ряда других общественных объединений ситуация меняется.

В 2012 году по инициативе РСПП была принята Антикоррупционная хартия российского бизнеса и «Дорожная карта» ее реализации⁴. В государственных и бизнес-структурах принимаются кодексы этики. Многие российские компании внедряют методы антикоррупционного комплаенса.

Потенциал таких неправовых социальных регуляторов в предупреждении коррупции очень высок. Необходимо его дальнейшее развитие, в том числе в направлении расширения форм его реализации и их корреляции с правовыми средствами.

II. О научных задачах преодоления стереотипов превенции коррупции

Суммируя анализ стереотипов науки и практики в сфере превенции коррупции, можно выделить следующие основные научные задачи, нацеленные на повышение эффективности предупреждения коррупционных схем.

На первом месте стоит необходимость расширения междисциплинарных исследований.

Природу и масштабы современной коррупции невозможно познать только с помощью социологических опросов и традиционных методов юридического анализа, но именно такой инструментарий чаще всего используется, хотя и не может дать достоверную картину коррупционных проявлений.

Так, например, по «Индексу взяткодателей», в рамках которого «Трансперенси Интернешнл» с 1999 г. оценивала ситуацию во внешнеэкономической деятельности, худшие показатели были у Китая (27 место) и России (последнее, 28 место). Однако известно, что основными партнерами и Китая, и России (около 80%

внешнеторгового оборота) в последние 15 лет являются страны Европейского Союза, США и Япония. В связи с этим неизбежна постановка вопросов: кто являлся второй стороной коррупционных дел, иными словами, кто брал взятки российских и китайских предприятий? Почему не было коррупционных дел с участием российских и китайских предприятий в судах США, Японии, Великобритании, Франции, других европейских стран? Почему рейтинг взяткодателей не соотносился с индексами «Трансперенси Интернешнл», в которых указанные страны – партнеры России и Китая – традиционно занимают места самых благополучных в контексте предотвращения коррупционных угроз?

Эти вопросы были поставлены перед «Трансперенси Интернешнл» нашим Институтом на Международной антикоррупционной конференции в Бразилии в ноябре 2012 г. и вызвали оживленное обсуждение. Результат противостояния известен: с 2012 г. «Индекс взяткодателей» больше не ведется.

Но где гарантии, что подобные дефекты не присущи другим проектам «Трансперенси Интернешнл», в том числе «Индексу восприятия коррупции», в рамках которого государства ранжируются по степени их коррупционности и где России в 2014 г. было отведено лишь 136-е место, в одном ряду с Нигерией, Камеруном, некоторыми другими развивающимися странами⁵.

Такие индексы влияют не только на международный имидж государств, но и приносят огромные материальные убытки, в том числе в результате отказа от ведения совместных проектов с государствами, имеющими низкие антикоррупционные рейтинги, сокращения инвестиционных вложений и т.д.

В целях решения этой проблемы Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации инициировал создание Программы мониторинга проявлений коррупции (Программы МОНКОР)⁶ с учетом как позитивного, так и негативного опыта существующих оценок. Это новый междисциплинарный научно-методический комплекс измерения коррупции, который показывает не только ее состояние, но и динамику развития, основывается не на эфемерном восприятии коррупции, а на анализе конкретных фактов. Без такого средства борьба с коррупцией неизбежно ведет к двум крайностям: либо к полному бездействию в сфере профилактики, либо к

⁴ <http://media.rspp.ru/document/1/3/9/39bde68ed2d2f73f19d70b7f5c98bbdf.pdf>

⁵ <http://www.transparency.org.ru/indeks-vozpriatiia-korrupcii/indeks-vozpriatiia-korrupcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball>

⁶ Подробнее об этом см.: Программа международного научного мониторинга проявлений коррупции (МОНКОР) / В.И. Лафитский, В.П. Емельянцева, О.И. Семькина и др.; рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2015.

беспредметной антикоррупционной кампании, объектом которой становятся все институты государства и общества.

Программа МОНКОР предлагает методики диагностирования коррупции, выявляет обобщенные интегрированные индикаторы коррупционных действий, дает возможность преодолеть проблемы узкосociологических методов «коррупционных» рейтингов. Она позволяет рассматривать проявления коррупции не как набор статистических величин, а как сложные анти-социальные явления, находящиеся в тесной взаимосвязи с многоуровневыми факторами социально-экономического, политического и правового развития.

В рамках Программы МОНКОР предполагается категорирование оцениваемых объектов по группам рисков (по шкале от минимальной до высокой степени коррупционного риска) на основе сводных индикаторов. В их числе:

1. *Индекс репрезентативности*, который позволяет осуществлять регулярную оценку выполнения страной взятых на себя международных обязательств, предусматривая в дальнейшем переход к моделям точечного или секторального изменения законодательства и постепенное формирование модели комплексного правового регулирования.
2. *Индекс межстрановых оценок коррупции*, включающий изменение позиций страны в рейтингах различных организаций, осуществляющих мониторинг коррупции.
3. *Индекс правопорядка*, обеспечивающий измерение корреляционных показателей и криминологических индикаторов преступлений коррупционной направленности в разных странах. В этих целях в рамках МОНКОР разработаны Методика компаративистского мониторинга статистических показателей уголовно-правовой оценки проявлений (состояния) коррупции.
4. *Индекс коррупционной устойчивости*, в котором в отличие от существующих рейтингов объектом анализа выступают как правовые акты, так и практика их применения.
5. *Индекс условий возникновения коррупции*, позволяющий оценивать на сопоставимой основе деятельность органов власти всех уровней и используемый как индикатор оценок возможных коррупционных рисков и эффективности мер по профилактике коррупции.

В настоящее время Институт завершил предварительную апробацию в странах СНГ одной из составляющей Программы МОНКОР – Методики расчета индекса правопорядка. Достигнута договоренность о проведении полной апробации методик МОНКОР в Республике Кыргызстан. На основании данных из открытых источников информации готовятся измерения в субъектах

Российской Федерации, а также в государственных корпорациях и частных компаниях.

Междисциплинарные подходы, сочетающие методы и средства разных наук, должны применяться не только в таких масштабных проектах, имеющих практическую направленность, но и в теоретических исследованиях, поскольку коррупция проявляется во всех сферах общественной жизни и в общественном сознании, приобретает не только правовое, но и экономическое, социальное, психологическое содержание⁷.

Вторая основная научная задача повышения эффективности превенции коррупционных практик – проектирование системного воздействия законодательства на коррупцию.

Как отмечалось, предупреждение коррупции не должно ограничиваться только средствами специального антикоррупционного, а также уголовного и административного законодательства. Развивая этот тезис, можно утверждать, что превенция коррупции – это задача законодательства в целом и что она должна решаться во всех отраслях законодательства и комплексных законодательных образованиях, в том числе в таких критически важных областях, как культура, образование, наука.

Системный подход дает возможность не только усилить превентивный антикоррупционный эффект законодательства, но обеспечить его воздействие на весь спектр регулируемых общественных отношений.

В последние годы антикоррупционное законодательство было направлено в основном на предупреждение правонарушений среди государственных и муниципальных служащих, врачей и учителей. Как следствие, в одних направлениях, например оказание медицинских услуг, мы имеем избыточное антикоррупционное регулирование, а в других остаются пробелы, препятствующие действенному противодействию коррупции.

Речь, конечно, не идет о равновесном антикоррупционном воздействии на все общественные отношения, но в той или иной мере каждое из них должно быть включено в этот процесс. Только такой системный подход к совершенствованию законодательства позволит добиться искомых результатов.

Еще одна задача проектирования системного воздействия законодательства на коррупцию – обеспечение соответствия законодательства международным антикоррупционным стандартам.

Имплементация в российское законодательство стандартов Конвенции ООН против коррупции 2003 г.

⁷ Хабриева Т.Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 5–17.; Тихомиров Ю.А. Правовые риски // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 87–95.

существенных проблем не вызывает. Этот документ в отличие от ряда региональных (Совета Европы) или отраслевых (ОЭСР) антикоррупционных стратегий позволяет учитывать фундаментальные ценности и принципы национальных правовых систем.

Необходимо сохранение свободы выбора форм и способов реализации международных антикоррупционных стандартов. Прежде всего, это касается вопросов профилактики, поскольку они возникают не только в правовой и политической деятельности, но и в социальной, духовной и культурной жизни, которая в принципе не может быть стандартизирована.

Такой вывод подтверждается опытом большей части государств современного мира, стремящихся к становлению международных региональных антикоррупционных моделей с целью отражения, как, например, в рамках Европейского Союза, общих ценностей права и особенностей национальных антикоррупционных систем⁸.

Существуют объективные предпосылки для формирования **евразийской антикоррупционной модели** на основе Евразийского экономического союза, сохраняющего правовые традиции, экономические интересы, социальные задачи входящих в его состав государств.

Возможно создание такой модели и в рамках Шанхайской организации сотрудничества, объединяющей Россию, среднеазиатские постсоветские республики и Китай, несмотря на существенные различия в их законодательстве.

Третья задача – совершенствование на основе междисциплинарных исследований и системного подхода специальных средств противодействия коррупции, применяемых в различных отраслях и комплексных образованиях законодательства⁹.

Рассмотрим лишь несколько общих проблем.

1. Для повышения действенности законодательства необходима унификация средств антикоррупционного правового воздействия на основе единых методологических подходов. Но такой унификации нет даже в совпадающих сферах правового регулирования.

Уголовный кодекс РФ позволяет в соответствии с положениями примечания статьи 291 освобождать от уголовной ответственности граждан, активно способствующих раскрытию и (или) расследованию преступлений, добровольно сообщаящих правоохранительным органам о даче взятки, а также о вымогательстве

взятки со стороны должностных лиц.

При этом в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) нет таких норм в отношении коррупционных деяний, что побуждает органы управления юридических лиц скрывать известные им факты. Только таким образом они могут избежать практически безграничных санкций за совершение коррупционных деяний: в соответствии с КоАП РФ за передачу незаконного вознаграждения в крупном размере санкции не могут быть менее 20 млн руб., а в особо крупном размере – 100 млн руб.

Для решения этой проблемы Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации предложены специальные основания освобождения юридических лиц от административной ответственности, что, несомненно, повысит общий потенциал антикоррупционной профилактики российского законодательства.

Унификация средств правового воздействия должна охватывать и такую меру профилактики, как ограничения лиц, совершивших коррупционные деяния. В настоящее время Министерством труда и социальной защиты РФ разрабатывается реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, но он касается только публичных должностных лиц.

Аналогичные реестры необходимы и в частной сфере, в том числе в отношении организаций, допускающих проявления коррупции и хищения при выполнении государственных и муниципальных заказов. Можно отметить, что позитивный опыт создания таких реестров уже есть во многих государствах Европы.

2. Остаются нерешенными многие *проблемы определения пределов криминализации коррупционных деяний*.

По данным Верховного Суда РФ, с 2002 по 2013 годы за взятки в сумме до 10 тыс. рублей было осуждено 77% лиц от общего количества осужденных за коррупционные деяния. Таким образом, основная «мишень» уголовно-правовой политики в сфере противодействия коррупции – это взятки в незначительном размере, не имеющие большой социальной опасности. Однако именно на их выявление и пресечение тратятся время, энергия, силы правоохранительных органов.

Решение этой проблемы допускает два варианта. Первый – декриминализация мелких взяток и перевод их в разряд административных правонарушений. Вместе с тем неизбежным следствием реализации такой меры станет заметное ослабление превентивной функции законодательства.

Более предпочтителен второй вариант – выделение в самостоятельную статью Уголовного кодекса РФ составов преступлений, объективная сторона которых охватывает получение взятки и коммерческий подкуп в незначительных размерах.

⁸ См. подробнее: Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография / Т.Я. Хабриева, О.И. Тиунов, В.П. Кашепов и др.; отв. ред. О.И. Тиунов. М., 2012.

⁹ См., например: Цирин А.М., Черепанова Е.В., Тулинова О.А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 143–147.

В любом случае необходимы глубокие исследования этого вопроса по примеру советских ученых, когда разработка новых составов уголовно-правовых и административно-правовых деяний занимала несколько лет, что позволяло исключить многие негативные последствия правоприменительной практики.

В контексте проблем определения пределов криминализации коррупционных деяний следует рассмотреть и вопрос об уголовной ответственности юридических лиц.

В настоящее время Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации рассматривается законопроект об уголовной ответственности юридических лиц, подготовленный во взаимодействии со Следственным комитетом Российской Федерации.

Успешному прохождению законопроекта препятствует то, что он требует не только дополнения норм Уголовного кодекса РФ, но и пересмотра всей системы принципов, оснований, условий привлечения к уголовной ответственности. А эта задача в законопроекте не решена.

Остается и другая проблема – защита юридических лиц от угроз необоснованного привлечения к уголовной ответственности.

Существуют также риски сокрытия под «корпоративной вуалью» противоправных действий физических лиц, что позволит им уходить от уголовной ответственности.

Библиографический список:

1. Программа международного научного мониторинга проявлений коррупции (МОНКОР) / В.И. Лафитский, В.П. Емельянцева, О.И. Семькина и др.; рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: Статут, 2015. – 248 с.
2. Проблемы совершенствования законодательства РФ о противодействии коррупции и практики его применения: монография / О.А. Плохой, Н.Г. Семилютина, А.М. Цирин и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой; ИЗиСП. М.: Юриспруденция, 2014. – 57 с.
3. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2012. – 671 с.
4. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография / отв. ред. О.И. Тиунов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИД «Юриспруденция», 2012. – 288 с.
5. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС», 2013. – 160 с.
6. Противодействие коррупции в субъектах Российской Федерации: научно-практическое пособие / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС», 2013 – 236 с.
7. Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: научно-практическое пособие / отв. ред. Н.Г. Семилютина, Е.И. Спектор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 240 с.
8. Правовые средства противодействия коррупции: научно-практическое пособие / отв. ред. Н.А. Власенко. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2012. – 344 с.
9. Тихомиров Ю.А. Правовые риски // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 87–95.
10. Хабриева Т.Я. Коррупция и право: доктринальные подходы к постановке проблемы // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 5–17.

3. Третья проблема – недостаточность средств стимулирования и поощрения антикоррупционного поведения.

Среди немногих подобных инициатив можно указать меры по стимулированию лиц, сообщающих о фактах коррупции. Соответствующий законопроект недавно был внесен в Правительство РФ Министерством труда и социальной защиты.

Кроме того, требуется системная ревизия гражданского, трудового, иных отраслей законодательства, комплексных правовых образований, в том числе в сферах науки, образования, миграционных отношений, с целью внедрения мер по стимулированию антикоррупционных практик.

* * *

В заключение хотелось бы отметить, что коррупция развивается в разных, очень переменчивых формах. Следовательно, и противодействие коррупции не должно быть стереотипным, иначе оно будет неэффективно.

Профилактика коррупции означает, что наука и практика должны быть, как минимум, на шаг впереди коррупционных проявлений, поэтому наряду с освоением современных юридических и иных научных технологий, необходимо искусство научного предвидения, позволяющее готовиться к будущему и, по возможности, корректировать его развитие.

11. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Цирин А.М. О результатах анализа практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах РФ и предложениях по повышению их эффективности // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 58–67.
12. Цирин А.М., Черепанова Е.В., Тулинова О.А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 143–147.

References (transliteration):

1. Programma mezhdunarodnogo nauchnogo monitoringa proyavlenij korruptsii (MONKOR) / V.I. Lafitskij, V.P. Emel'yantsev, O.I. Semykina i dr.; ruk. avt. kol. T.YA. Khabrieva; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. – M.: Statut, 2015. – 248 s.
2. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva RF o protivodejstvii korruptsii i praktiki ego primeneniya: monografiya / O.A. Plokhoy, N.G. Semilyutina, A.M. TSirin i dr.; pod red. T.YA. Khabrievoy ; IZiSP. M.: YUrisprudentsiya, 2014. – 57 s.
3. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodejstvie: monografiya / otv. red. T.YA. Khabrieva; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii. M.: YUrisprudentsiya, 2012. – 671 s.
4. Pravovye mekhanizmy implementatsii antikorrupcionnykh konvetsij: monografiya / otv. red. O.I. Tiunov. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii, ID «YUrisprudentsiya», 2012. – 288 s.
5. Uchastie institutov grazhdanskogo obshhestva v bor'be s korruptsiej: nauchno-prakticheskoe posobie / otv. red. YU.A. Tikhomirov. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii; OOO «POLIGRAF-PLYUS», 2013. – 160 s.
6. Protivodejstvie korruptsii v sub"ektakh Rossijskoj Federatsii: nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. T.YA. Khabrievoy. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii; OOO «POLIGRAF-PLYUS», 2013 – 236 s.
7. Rol' predprinimatel'skikh struktur v protivodejstvii korruptsii: nauchno-prakticheskoe posobie / otv. red. N.G. Semilyutina, E.I. Spektor. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii; YUridicheskaya firma «Kontrakt», 2012. – 240 s.
8. Pravovye sredstva protivodejstviya korruptsii: nauchno-prakticheskoe posobie / otv. red. N.A. Vlasenko. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii; ID «YUrisprudentsiya», 2012. – 344 s.
9. Tikhomirov YU.A. Pravovye riski // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. № 2. S. 87–95.
10. Khabrieva T.YA. Korruptsiya i pravo: doktrinal'nye podkhody k postanovke problemy // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 6. S. 5–17.
11. Khabrieva T.YA., Andriченко L.V., Tsirin A.M. O rezul'tatakh analiza praktiki realizatsii programm protivodejstviya korruptsii v sub"ektakh RF i predlozheniyakh po povysheniyu ikh ehffektivnosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2012. № 11. S. 58–67.
12. Tsirin A.M., Cherepanova E.V., Tulinova O.A. Sovremennye standarty i tekhnologii protivodejstviya korruptsii // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 7. S. 143–147.